

Рекс Стаут

Уотсон был женщиной

Речь на обеде почитателей героев Бейкер-стрит

Вы простите мне мой отказ выпить вместе с вами *"за светлую память второй жены Уотсона"*, когда узнаете, что для меня это было вопросом совести. Я не мог заставить себя стать молчаливым соучастником мистификации. Ведь второй жены Уотсона никогда не было, как, впрочем, никогда не было и первой. Скажу вам больше: никогда не было доктора Уотсона.

Прошу вас, не вскакивайте с мест!

Как все верные поклонники, я время от времени заглядываю в Священную книгу (которую непосвященные называют рассказами о Шерлоке Холмсе), чтобы отдохнуть и развлечься, но недавно я перечитал ее всю, от начала до конца, и меня поразил один странный факт, напомнивший мне случай с собакой в ночи. Странность поведения той собаки в ночи¹ состояла, как все мы знаем, в том, что она не лаяла, а странность поведения Холмса в ночи состоит в том, что мы никогда не видим, как он ложится в постель... Некто по фамилии Уотсон, автор записок о Холмсе, снова и снова подробнейшим образом описывает все прочие мелочи домашнего обихода в квартире на Бейкер-стрит — ужины, завтраки, обстановку, времяпрепровождение дождливыми вечерами, но ни разу не показывает, как Холмс или Уотсон отходят ко сну. Чем это объяснить? — спрашивал я себя. Чем объяснить столь неестественное и упорное молчание, больше того, явную скрытность в отношении одного из самых приятных эпизодов в распорядке дня?

Это показалось мне подозрительным.

¹ В «Серебряном» Холмс указывает «На странное поведение собаки в ночь преступления» инспектору Грегори, как на один из важных ключей к разгадке преступления.

Самые неприятные из возможных объяснений, приходивших мне в голову, — скажем, что у Холмса были вставные зубы или что Уотсон носил парик — я отверг как нелепые. Они были слишком уж тривиальны и, я бы сказал, не отдавали зловещей тайной. Но игра была начата, и я принялся искать отгадку в единственном доступном мне месте — в самой Священной книге.

И на первых же страницах, в повести *"Этюд в багровых тонах"*, я обнаружил следующее признание:

"Редко когда он ложился спать после десяти вечера, а по утрам, как правило, успевал позавтракать и уйти, пока я еще валялся в постели".²

Я был потрясен. Как могло случиться, что столь явный ключ столько лет оставался не замеченным многими миллионами читателей? Ведь так может говорить только женщина о мужчине! Перечитайте это новыми глазами:

"Редко когда он ложился спать после десяти вечера, а по утрам, как правило, успевал позавтракать и уйти, пока я еще нежилась в постели".³

Это же самый настоящий, неподдельный рассказ жены о собственном муже!..

Стой, не спеши с выводами, сказал я себе. Ты же не занимаешься праздными домыслами, а ищешь доказательства для установления факта. Да, это, вне всякого сомнения, речь женщины, рассказывающей о мужчине, но рассказывает ли это жена о муже или любовница о любовнике?.. Должен при-

² Конан Дойл А. Собр. Соч. в 8 тт. М.: Правда, 1966-1967. Т.1, С. 43. Перев. Н. Тренивой. Всюду далее цитаты приводятся по этому изданию.

³ В англ. языке нет родовых окончаний, так что текст оригинала в первом и во втором случае остается неизменным. В русском переводе здесь и далее окончания муж. рода заменены, как того требует смысл, окончаниями женского. Внесены и кое-какие другие незначительные изменения, полностью соответствующие букве оригинала. — *Прим. перев.*

знать, я покраснел. Я покраснел за Шерлока Холмса и хлопнул книгу. Но мое любопытство уже разгорелось, подобно пожару, — вскоре я вновь раскрыл книгу на том же месте и чуть дальше прочел:

"Читатель, пожалуй, сочтет меня отпетой охотницей до чужих дел, если я признаюсь, какое любопытство возбуждал во мне этот мужчина и как часто я пробовала пробить стенку сдержанности, которой он отгораживал все, что касалось лично его".

Еще бы она не пробовала! Из кожи вон лезла. Бедняга Холмс! Она даже не берет на себя труд воспользоваться каким-нибудь расхожим эвфемизмом вроде *"я хотела лучше его понять"* или *"я хотела разделить с ним все"*, нет, она с вопиющей откровенностью объявляет: *"я пробовала пробить стенку его сдержанности"*! Я содрогнулся и впервые в жизни почувствовал, что Шерлок Холмс был не Богом, а человеком - и человеком страдающим. Теперь вопрос о том, мужчина или женщина Уотсон, был решен для меня окончательно. Без всякого сомнения, это была женщина, вот только жена или любовница? Я стал читать дальше. Буквально через пару страниц я натолкнулся на такое признание:

"...не раз по моей просьбе он играл мне "Песни" Мендельсона..."

Можете вы представить себе, чтобы мужчина просил другого мужчину сыграть ему на скрипке "Песни" Мендельсона?!

А на следующей странице читаем:

"...я встала раньше обычного и застала Шерлока Холмса за завтраком. Наша хозяйка так привыкла к тому, что я поздно встаю, что еще не успела поставить мне прибор и сварить на мою долю кофе. Обидевшись на все человечество, я позвонила и довольно вызывающим тоном сообщила, что жду завтрака. Схватив со стола какой-то журнал, я принялась его перелистывать, чтобы убить время, пока мой сожитель молча жевал гренки".

Ужасная картина, наполненная, как нам с вами хорошо известно, горестного реализма. Чуть измените стиль — и перед вами типичный рассказ Ринга Ларднера⁴ о любви. Узнать, что Шерлок Холмс, как и многие другие мужчины, завтракал в подобной обстановке, — это горькая пилюля для всякого верного поклонника, но мы должны глядеть в лицо фактам. Этот отрывок не только подкрепляет наше убеждение в том, что Уотсон — женщина, но и поддерживает в нас надежду, что Холмс не прожил долгие годы в грехе, последней следует отметить в первую голову. Мужчина не жует в молчании гренки, когда завтракает с любовницей, а если он все же поступает так, значит, в скором времени он обзаведется новой. Но Холмс прожил с ней более четверти века. Вот несколько цитат, относящихся к более поздним годам:

"...возле стола стоял, улыбаясь мне, Шерлок Холмс. Я вскочила и несколько секунд смотрела на него в немом изумлении, а потом, должно быть, потеряла сознание..." ("Пустой дом").

"По-моему, я самая многострадальная из смертных" ("Бэрлстонская трагедия" (Долина Страха).

"У нас с ним в ту пору установились довольно своеобразные отношения. Он был человек привычек, привычек прочных и давно укоренившихся, и одной из них стала я. Я была где-то в одном ряду с его скрипкой, крепким табаком, его дочерна окуренной старой трубкой, справочниками и другими, может быть, более предрассудительными привычками" ("Человек на четвереньках").

И нас хотят уверить, что это написал мужчина! Откровенное и беззаботное признание, что она упала в обморок при виде Холмса после его долгого отсутствия! "Я самая много-

⁴ Рингголд Уилмер Ларднер (англ. Ringgold Wilmer Lardner, 6 марта 1885 — 25 сентября 1933), известен как Ринг Ларднер (англ. Ring Lardner) — американский писатель, фельетонист, спортивный обозреватель, автор коротких рассказов и повестей. — прим. КМК

страдальная из всех смертных" — это же самая древняя в мире избитая фраза всех жен; ее вставлял в свои драмы Эсхил; ее, несомненно, выслушивали, скрежеща зубами, мужья-троглодиты в своих пещерах! А чего стоит это обычное жалобное сетование: "Я была где-то в одном ряду с его... дочерью окуренной старой трубкой"!

Да, конечно же, она была ему женой, и эта дочерна окурная старая трубка дает нам, между прочим, решающий довод в пользу такого предположения. Вот отрывок, взятый из начала повести "Собака Баскервилей":

"...я вернулась на Бейкер-стрит только к вечеру, около девяти часов. Я отворила дверь в гостиную и перепугалась - уж не пожар ли у нас? — ибо в комнате стоял такой дым, что сквозь него еле брезжил огонь лампы. Но мои опасения были напрасны: мне ударило в нос едким запахом крепчайшего дешевого табака, отчего у меня немедленно запершило в горле. Сквозь дымовую завесу я еле разглядела Холмса, удобно устроившегося в кресле. Он был в халате и держал в зубах свою темную глиняную трубку. Вокруг него лежали какие-то бумажные рулоны.

— Простудилась, Уотсон? — спросил он.

— Нет, просто дух захватило от этих ядовитых фимиа-мов.

— Да, ты, кажется, права: здесь немного накурено.

— Какое там "немного"! Дышать нечем!

— Тогда отвори окно".

Ну конечно же, муж и жена. Может ли хоть один человек сомневаться в этом, представив себе мучительно знакомую банальную сцену? Нужны еще какие-нибудь доказательства?

Впрочем, для упорного скептика у нас есть еще целая куча доказательств. Например, старания отучить Холмса от пристрастия к кокаину, упоминаемые в различных местах Священной книги, рисуют нам типичную жену, радеющую об исправлении своего мужа, — особенно показательно ее злорадное торжество по поводу того, что она добилась-таки

своего. Более сложным, но не менее убедительным доказательством является странный, вызывающий удивление рассказ о знаменитом исчезновении Холмса в "Последнем деле" и о причинах его исчезновения, приведенных позже в "Пустом доме". Просто невероятно, что этот чудовищный обман не был давным-давно разоблачен.

Посудите сами. Холмс и Уотсон бродили вместе по долине Роны, поднимаясь к верховьям, потом, миновав Лейк, направились через перевал Жемми и дальше — через Интерлакен — к деревушке Мейриген. Неподалеку от этой деревни, в момент, когда они шли по узенькой тропинке вдоль страшной пропасти, Уотсон получила с посыльным поддельное письмо, вынудившее ее вернуться в гостиницу. Узнав, что письмо подложное, она (он) бросилась обратно на ту горную тропу, где они расстались, но Холмса там не было. Холмс исчез. Все, что от него осталось, — это прощальная записка с вежливым выражением сожаления. Она лежала на выступе скалы, прижатая портсигаром, как пресс-папье. В ней сообщалось, что появился профессор Мориарти, который сейчас столкнет его в пропасть.

Это объяснение само по себе довольно-таки неправдоподобно. Но обратимся теперь к "Пустому дому". Прошло три года. Шерлок Холмс внезапно объявляется в Лондоне — настолько неожиданно, что Уотсон падает в обморок. Объяснение, которое Холмс дает своему долгому отсутствию, звучит совершенно фантастически. Он уверяет, что схватился с профессором Мориарти на узкой тропинке над пропастью и сбросил его в бездну. Чтобы получить преимущество над опасным сообщником профессора Себастьяном Мораном, он решил инсценировать собственную гибель: пусть тот думает, что он тоже упал с обрыва. Дабы не оставить на сырой тропинке следов, идущих в обратном направлении, он попытался вскарабкаться на отвесную скалу над тропинкой. Пока он полз вверх, появился Себастьян Моран собственной персоной; взобравшись на вершину скалы с другой стороны, он стал забрасывать Холмса камнями. С невероятным тру-

дом Холмс спасся от града камней и бежал от Морана в темноте через горы. Три года он скитался по Персии, Тибету и Франции, переписываясь только с одним человеком, своим братом Майкрофтом, так чтобы Себастьян считал его умершим. Хотя, как явствует из его же собственного рассказа, Моран знал, не мог не знать, что он спасся!

Все это, уверяет Уотсон, поведал ей (ему) Шерлок Холмс. Но это же просто вздор, нелепица, которой не поверит даже деревенский дурачок. Невозможно предположить, чтобы Холмс мог когда-нибудь помыслить о том, чтобы обмануть человека, находящегося в здравом уме, такого рода объяснениями. Невозможно поверить, чтобы он мог предложить подобное объяснение, оскорбительное для его интеллекта, даже круглому идиоту. Я утверждаю, что он никогда этого и не делал. По-моему, Холмс только и сказал, когда Уотсон очнулась от обморока: "Дорогая, я готов попробовать начать все сначала". Ибо он был учтивый мужчина. Конечно, это Уотсон попыталась сочинить за него объяснение и нагородила такой ужасной чепухи.

Так кто же была эта особа, скрывавшаяся под псевдонимом "доктор Уотсон"? Откуда она взялась? Как она выглядела? Какую фамилию носила она, прежде чем заманила в ловушку Холмса?

Попытаемся выяснить ее прежнюю фамилию, пользуясь методами, к которым мог бы прибегнуть и сам Холмс. Итак, Уотсон, написавшая эти бессмертные рассказы и повести, могла спрятать тайну своего настоящего имени где-то в самих этих произведениях. Поскольку мы хотим сейчас выяснить не факты ее биографии и не способности ее характера, а то, как ее звали, очевидно, что ответ следует искать в названиях этих вещей.

Всего насчитывается шестьдесят рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе. Прежде всего мы расположим их в хронологическом порядке и дадим им номера от 1-го до 60-го. Далее, применяя способы расшифровки, которыми так виртуозно владел Холмс и сущность которых раскрыта в повести

"Пляшущие человечки" и ряде других вещей, мы отберем те названия, которые стоят под номерами, имеющими определенный кодовый смысл, и получим следующий столбец:

Исчезновение леди Фрэнсис Карфэкс

Рейгетские сквайры

Этюд в багровых тонах

Нищий

Убийство в Эбби-Грэйндж

Обряд дома Месгрейвов

Тайна Боскомской долины

Союз рыжих

Одинокая велосипедистка

Норвудский подрядчик

И, прочитав начальные буквы, по принципу акrostиха, сверху вниз, мы с легкостью откроем эту тщательно скрываемую тайну. Ее звали Ирэн Уотсон. Но не будем торопиться. Имеется ли у нас какой-нибудь способ проверить это? Установить ее имя каким-то другим методом, скажем априори? Что ж, попробуем. Рассказы о Шерлоке Холмсе, как было доказано, написала женщина, и эта женщина была ему женой. А не появляется ли где-нибудь в этих рассказах женщина, которой бы Холмс увлекся? В которую бы он по-настоящему влюбился? Есть там такая женщина! Рассказ "Скандал в Богемии" начинается такими словами:

"Для Шерлока Холмса она всегда оставалась "Этой Женщиной"... В его глазах она затмевала всех представительниц своего пола".

А как звали "Эту Женщину"? Ирэн!

Но ведь не Ирэн Уотсон, скажете вы, а Ирэн Адлер. Разумеется. Главной целью Уотсон, от начала и до конца, было сбить нас со следа, запутать, помешать установить ее личность. Поэтому внимательно приглядитесь к этой фамилии. Адлер. А что значит по-английски addler? Это тот, кто запутывает. Сбивает с толку. Морочит голову. Признаться, меня восхищает этот ход: он сделал бы честь самому Холмсу. Об-

манывая и дурача нас, она имеет смелость назвать при этом фамилию, которая откровенно раскрывает ее намерения!

Нашу догадку подтверждает одна занятная подробность, касающаяся Ирэн из рассказа "Скандал в Богемии" — *"Этой Женщины"*, как называл ее Холмс, по уверению автора записок, — а именно тот факт, что Шерлок Холмс присутствовал на ее бракосочетании в церкви святой Моники на Эджвер-роуд. Нас уверяют, будто он был на бракосочетании в качестве свидетеля, но это сущая чепуха. Вот что рассказывает сам Холмс: *"Меня чуть не силой потащили к алтарю, и, не успев опомниться, я бормотал ответы..."* Так говорит не равнодушный свидетель, а сопротивляющийся, опутанный, запуганный мужчина — короче, жених. И на всех 1323 страницах Священной книги это единственное бракосочетание, которое мы видим, — единственное, как нам сообщают, которое Холмс почтил своим присутствием.

Все это, надо признать, лишь беглые, отрывочные заметки. В настоящее время я собираю материал для более углубленного рассмотрения данного предмета и полного, всестороннего изложения доказательств и неизбежных выводов из них. Этот труд составит два тома, из которых второй будет посвящен некоторым предположениям насчет различных конкретных результатов этого продолжительного и — боюсь — не слишком, увы, счастливого брака. Например, кто был отцом Лорда Питера Уимси⁵, который родился, надо полагать, где-то в начале века - примерно тогда же, когда было напечатано "Второе пятно"? В этом вопросе надо разобраться...

1941 Перевод с англ. - В. Воронин

⁵ Для тех, кто не знает — Лорд Питер — благородный сыщик-любитель, о котором писала Дороти Л. Сэйерс в 1920-ых и 30-ых. Маловероятно, чтобы Статут мог успешно привить ветвь семейства Холмса к генеалогическому древу Уимси или наоборот.